Огарев Н

Надгробное слово

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц61
0311

Ц61
0311

Огарев, Н.П.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО.

ИМЭЛ
У10311

Друзья юноши,

Великая скорбь и великое упованіе будятъ меня говорить съ вами.

Надгробнымъ словомъ хочу звать васъ къ усиленному труду на постройку новой жизни. Память Потебни — ничѣмъ лучше не могу почтить. Онъ погибъ ради этой новой жизни, увѣренный, что его смерть послужитъ примѣромъ и завѣтомъ. Я не встрѣчалъ юноши преданнѣе общему дѣлу, больше отбросившаго всякіе личные интересы и такого безустальнаго въ своей постоянной работѣ—основать общество русскихъ офицеровъ и солдатъ, для завоеванія русскому народу земли и воли. Судьба его поставила въ Польшѣ, гдѣ онъ и основалъ комитетъ русскихъ офицеровъ.* Вскорѣ потомъ онъ пріѣзжалъ къ намъ. По желанію его и его друзей мы напечатали адрессъ офицеровъ къ великому князю и адрессъ офицеровъ къ офицерамъ. "Я ѣду," писалъ онъ къ намъ на возвратномъ пути въ Польшу, "а въ ушахъ у меня раздается: мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся!"...

Но намъ еще разъ суждено было увидѣться.

* Вотъ что А. А. Потебня писалъ 7 Іюня 1862 изъ Варшавы къ А. Герцену: М. Г. Въ своемъ воззваніи къ русскимъ войскамъ въ Польшѣ въ 54 г. вы писали: "мы скажемъ вамъ что дѣлать когда придетъ часъ"; по нашему крайнему убѣжденію этотъ часъ пришелъ; что можно было сдѣлать—сдѣлано; если вы имѣете вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, вы должны знать также и духъ войска въ Польшѣ; мы на столько сблизились съ патріотами польскими, что во всякомъ случаѣ примемъ прямое участіе въ близкомъ возстаніи Польши, но мы на столько привыкли уважать ваше имя, что хотѣли

2011
У 14

Пріѣхавши въ Польшу, онъ соединился общество русскихъ офицеровъ съ главнымъ обществомъ "Земли и Воли" въ Россіи.

А какъ онъ жилъ въ Польшѣ! Для того, чтобъ не быть прикованнымъ къ мѣсту, онъ уже давно оставилъ свой полкъ и долго скитался, являясь то тутъ, то тамъ, гдѣ только требовали обстоятельства, ежеминутно подвергаясь опасности быть узнаннымъ и разстрѣляннымъ.* Онъ глубоко чувствовалъ трудность положенія русскаго въ Польшѣ—весь ужасъ драться противъ своихъ и всю необходимость отпора петербургскому гнету. Онъ глубоко чувствовалъ позоръ, который ляжетъ на имя русское, если въ войскѣ не найдется ни одного свободнаго голоса, ни одного свободнаго подвига, а только палачество да палачество... Но что-же можно было дѣлать? Собрать русскій отрядъ, сначала пристать съ нимъ къ польскому возстанію, и потомъ идти въ Россію подымать народъ за землю и волю и, вѣроятно, погибнуть, заявивъ, что нашлись солдаты и офицеры, которые не хотѣли быть палачами въ Польшѣ, но хотѣли сложить головы, чтобы кликнуть первый кличъ на всю Русь — слушной порѣ, когда земля русская должна быть отдана сословно вольному русскому народу.

Потебня собралъ отрядъ...

Несчастный случай разрушилъ его... Но *теперь* мы не станемъ говорить объ этомъ; много причинъ заставляютъ молчать. Вы это поймете, друзья юноши! Придетъ время—мы скажемъ; въ лѣтописяхъ пропуска не останется.

бы прежде знать ваше мнѣніе по этому вопросу. Я уже писалъ вамъ разъ по порученію своихъ товарищей; тогда я еще не зналъ что пропаганда будетъ такъ легка и такъ успѣшна; теперь войско, квартирующее въ Варшавѣ, стоитъ на такой ногѣ, что готово драться съ своими, еслибъ они вздумали идти противъ поляковъ. На свое письмо я не получилъ никакого отвѣта; можетъ быть оно не дошло до васъ, можетъ быть вы не нашли нужнымъ отвѣчать на письмо, правда, нѣсколько дикое. Во всякомъ случаѣ отъ имени многихъ офицеровъ обращаюсь еще разъ къ вамъ съ просьбою увѣдомить насъ о вашемъ мнѣніи о положеніи нашемъ въ Польшѣ.

* ... Я только что возвратился... Я не могу вамъ писать теперь подробно о результатѣ этой поѣздки, но вообще онъ оказался лучшимъ, нежели мы могли предполагать. Событія приближаются, работы слишкомъ много у каждаго, у меня въ особенности; а между тѣмъ мое положеніе со дня на день становится труднѣе; за мной просто охотятся и не знаю долго-ли можно будетъ скрываться отъ нихъ... (Отрывокъ изъ письма Потебня изъ Варшавы отъ 17 [5] Дек. 1862).

Положеніе становилось невыносимо. Потебня пріѣхалъ къ намъ, чтобы сколько-нибудь одуматься. Черезъ нѣсколько дней онъ опять поѣхалъ въ Польшу, давши намъ слово, во всякомъ случаѣ, сохранить комитетъ русскихъ офицеровъ и его связь съ обществомъ "Земли и Воли."

Въ Мартѣ мы получили записку, писанную карандашомъ: "*Песочная Скала, 3 Марта.* Пишу къ вамъ изъ лагеря Лангевича; я рѣшился остаться здѣсь... Надежды сдѣлать что нибудь—мало; попробуемъ. Вашъ А. П."

Это была послѣдняя записка. Въ одной изъ схватокъ у Песочной Скалы онъ былъ убитъ. Подробностей намъ не пишутъ.

Друзья юноши! Дайте волю моей личной скорби. Я любилъ его какъ сына. Я чувствовалъ, что онъ погибнетъ за дѣло—*чужое*, по многой розни въ постановкѣ общественныхъ вопросовъ,—но *свое*, потому что оно дѣло свободы; я чувствовалъ, что онъ ѣдетъ на убой, а все-же—съ мыслью, что его уже нѣтъ на свѣтѣ—не могу ужиться. Знаю, что плакать некогда, а слезы душатъ. Гляжу на его портретъ; онъ его прислалъ намъ за нѣсколько дней до битвы. Мы напечатаемъ снимокъ, чтобъ вы его знали и помнили, и показывали народу русскому, во искупленіе котораго отъ грѣховъ петербургскаго императорства—онъ сложилъ голову. Гляжу на его дипломъ, который онъ мнѣ оставилъ на память, чувствуя, что уже не вернется.* Да еще два-три письма. Вотъ и все что отъ него осталось...

* Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Андрей Потебня—за отличное знаніе теоріи и практической части ручнаго огнестрѣльнаго оружія и усердіе къ службѣ въ теченіи курса 1858—1859 года, учебнымъ Совѣтомъ Стрѣлковой Офицерской Школы, на основаніи § 61 Положенія о Школѣ, высоч. утвержденнаго 1 Сентября 1859 г., удостоенъ свидѣтельства перваго разряда—Декабря, 1, дня 1859 года.

Учебнаго Совѣта Стрѣлковой Офицерской Школы:

Предсѣдатель Полковникъ Ваповской(?)

Члены: Полковникъ Обручевъ,
Капитанъ Герстфельдъ,
Поручикъ Вельяминовъ-Зерновъ.

Правитель дѣлъ Капитанъ Ташеръ.

И гдѣ его трупъ? И долго-ли онъ страдалъ, подстрѣленный русской пулей? И кто, и гдѣ похоронилъ его?

... И то, что онъ сказалъ передъ кончиной
Изъ слушавшихъ его, не понялъ ни единый...

Я знаю, что онъ сказалъ... Онъ сказалъ, что съ радостью отдаетъ свою молодую жизнь за оправданіе имени русскаго, въ надеждѣ, что своей смертью заставитъ встрепенуться много юношей и идти на завоеваніе народу русскому земли и воли. Только этой мыслью онъ и жилъ, стало онъ съ ней и замеръ.

Друзья! Отслужите по немъ такую панихиду, которая его достойна. Дайте другъ другу слово продолжать его дѣло.

Вы, которые его знали,—не расторгайте своей связи, какъ бы вы ни были разсыпаны по пространству земли русской, сохраните свято офицерской кружокъ, котораго вліяніе должно сдѣлаться *силой* по всему русскому войску. Не разъединяйтесь съ обществомъ "Земли и Воли." Сплотитесь въ единой крѣпкой союзъ, котораго работа соединила-бы все войско и все крестьянство—въ одно стремленіе, въ одну мысль, въ одно дѣло. Отмстите за его смерть стройнымъ сооруженіемъ русской свободы.

Вы, которые его не знали, которыхъ его смерть разбудитъ изъ дремоты,—примыкайте къ обществу. Не спрашивайте сильно оно или не сильно; не говорите, что вы примкнете тогда, когда убѣдитесь, что оно сильно. Покуда вы такъ будете спрашивать, откуда-же взять ему силы? Поймите, что вы, каждый собою, приносите свою силу и что, примыкая, вы создаете силу союза. Если вы будете медлить и сомнѣваться, вы не создадите этой силы и только обречете себя на самопрезрѣніе.

Обстоятельства сложны. Польское дѣло еще не разрѣшилось. Элементы движенія, разсѣянные по Россіи, медленно скопляются въ тучу.

Перейдетъ-ли польское дѣло изъ національнаго въ крестьянское и, съ литовской окраины, какъ дрожжи, зашевелитъ всю Россію? Устанутъ-ли отъ борьбы обоюдно—и Польша, съ страстной преданностью приносящая свои благородныя жертвы, и петербургское императорство, заклеймившее себя изумительной неспособностью? Сведутъ-ли они, при враждебной для обоихъ сторонъ помощи европейскаго Запада, свою развязку на *какое-нибудь* освобожденіе Польши?... Какъ это знать!

Вѣроятнѣе всего, что дѣло земли и воли русскаго народа придется подготовлять еще не одинъ день; что русская дѣятельность еще не на одинъ день обречена на работу терпѣливую, неутомимую, которая гораздо тяжеле и требуетъ гораздо больше преданности и труда—чѣмъ просто идти на сраженіе. Умирать всегда больно; умереть въ страстномъ настроеніи битвы—еще самый легкой видъ смерти. Но жить въ постоянномъ трудѣ приготовленія строя на борьбу, никогда не теряя времени и никогда не хватая очерти голову, никогда не уставая, не унывая при неудачѣ, не зазнаваясь и не останавливаясь при успѣхѣ—это задача тяжелая; а *теперь* это *ваша* задача, друзья юноши! Примите ее на себя съ твердостью, проводите ее съ горячимъ сердцемъ и холодной обдуманностью. Съ школьной скамьи начиная, возмите на себя доблесть быть совершеннолѣтними.

Какъ былъ хорошъ Потебня, въ этой неусыпной дѣятельности собиранія строя! Условія, въ которыхъ онъ находился, не дали ему выбора; онъ не могъ не идти на преждевременную смерть. Утрата его для дѣла огромна. Спѣшите заступить его мѣсто, вы юноши-офицеры, вы—подобно ему—страдальцы кадетскихъ корпусовъ, которыхъ узкое, тупое, нечеловѣчное воспитаніе домучило до пониманія свободы—не оставляйте военной службы. Какъ-бы она ни была тяжела—терпите и идите въ войско создавать ту силу, которая несокрушимо станетъ за землю и волю народную.

Было время, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы говорили офицерамъ, преданнымъ общему дѣлу,—не оставляйте военной службы, на васъ лежитъ обязанность силу палачества превратить въ силу освобожденія. Но лучшіе люди не вытерпѣли и вышли въ отставку или перешли въ гражданскую службу. Считаютъ до 15 тысячъ офицеровъ, оставившихъ

войско съ 1855 года. То-ли было-бы теперь, еслибъ они оставались на своихъ мѣстахъ? Не повторяйте этой огромной ошибки.

Что-же они выиграли переходомъ въ гражданскую службу? Еще въ то время мы говорили—оставляйте гражданскую службу, выходите вонъ изъ рядовъ чиновничества. Чиновничество можетъ быть только или правительственно, или немощно. Задача быть чиновникомъ не правительственнымъ, чиновникомъ оппозиціоннымъ—задача невозможная. Чиновничество обречено на уничтоженіе; оно должно быть замѣнено службой общественной, мірской, выборной—а не казенной. Пополняя ряды казеннаго чиновничества—вы только поддерживаете учрежденіе, которое должно вымереть, которое чѣмъ скорѣй вымретъ—тѣмъ лучше. Событія оправдали наше мнѣніе. Даже мировыя учрежденія, взявши на себя правительственное распоряженіе соединить двѣ несоединимыя выгоды, втоптались безплодно въ насильственное составленіе добровольныхъ уставныхъ грамотъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ станутъ оказываться все безсильнѣе, т. е. все безплоднѣе, или все правительственнѣе, т. е. все гаже.

Вы, которые, на студенческой скамьѣ, не рѣшились избрать какой-нибудь особенной, любимой вами дѣятельности, и равнодушно смотрите на ту или другую карьеру; но неравнодушно смотрите на будущность народа,—ступайте въ военную службу. Новый, свѣжій воздухъ повѣетъ въ войскѣ съ вашимъ приходомъ. Вы примкнете себя къ солдату, вы примкнете войско къ крестьянству—а въ этомъ одна изъ главныхъ задачъ.

Другая задача, не меньше важная, не меньше трудная, не меньше требующая силы и выдержки — это разъясненіе самимъ себѣ общественныхъ условій, цѣлей и потребностей земли русской и разъясненіе ихъ самому народу.

Да въ этомъ-то опять и повторяется приложеніе все той-же вѣчной истины экономической науки: "совокупность постановки и раздѣленіе труда." Для этого-то и нужно общество, для этого и нужны люди, которые, сохраняя совокупность

постановки, развѣтвлялись-бы на мыслящихъ и дѣйствующихъ, пишущихъ и проповѣдующихъ, военныхъ и ходоковъ. Для этого-то и не нужно спрашивать — "*довольно-ли сильно* общество" — а примыкать, чтобъ сдѣлать его *страшно сильнымъ*, и каждому брать на себя то дѣло, которое сподручно.

Друзья юноши! Вы найдете въ себѣ силу роста тѣмъ легче, что обстоятельства съ каждымъ днемъ уясняются и, что вамъ уже теперь видно—гдѣ людей искать нечего и, слѣдственно гдѣ людей искать надо.

Дѣло русской свободы шло своимъ окольнымъ путемъ, который не худо припомнить, чтобъ хорошенько осмотрѣться. Въ 25-мъ году за него стояли дворяне, богатые дворяне изъ знатныхъ семей, больше или меньше смутно, больше или меньше ясно понимая, что цѣль ихъ перестать быть дворянами. Въ то время только *они* думали, *они* говорили, *они* писали, *они* служили въ войскѣ, *они* подымали войско, *они* мечтали въ гражданской службѣ выжить правительственныхъ злодѣевъ путемъ легальности. *Они* возстали противъ самодержавія и, заявивъ первую мысль политической свободы, мученически сошли съ поприща; ихъ сословіе, продолжало цаловать руку подписавшую ихъ приговоръ; народъ остался къ ихъ дѣлу равнодушнымъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ явились другіе страдальцы, тоже изъ дворянъ. Это уже были люди не изъ знатнаго, а скорѣе изъ средняго дворянства; даже одинъ мѣщанинъ примкнулъ къ нимъ. Они оставили въ сторонѣ политическую свободу, или едва коснулись до нея; ихъ самоотрѣченіе шло дальше, они отрекались не только отъ своего сословія, но отрекались отъ *помѣщичества*; ихъ трудъ шелъ на разработку соціальныхъ теорій Запада. Они прошли незамѣченные своимъ сословіемъ и неузнанные народомъ.

Тѣмъ не меньше—и дѣло Декабристовъ, и дѣло общества Петрашевскаго имѣли свое огромное значеніе, свое неистребимое вліяніе. И то и другое выражало *степень* русской мысли, и то и другое оставалось *завѣтомъ* для преемниковъ.

Въ кучкѣ людей, составлявшихъ тайныя общества и создававшихъ литературу, Россія почти втихомолку, сама не зная гдѣ и какъ, сжато, мгновенно переживала всѣ развитія европейской мысли и приходила къ сознанію ея недостаточности или неприложимости. Дѣло политической свободы стало *завѣтомъ* для всѣхъ поколѣній, слѣдовавшихъ за декабристами; но мысль о недостаточности формальной равноправности и законности, недостаточности конституціонныхъ формъ, основанныхъ на сословности и цензѣ, безъ дѣйствительнаго самоуправленія всѣхъ, вытекающаго изъ иного понятія отношеній къ собственности—проникла и росла въ общемъ сознаніи. Необходимость соціальной основы для преобразованія Россіи стала *завѣтомъ* съ сороковыхъ годовъ; но неприложимость соціальныхъ теорій выдуманныхъ— приводитъ опять къ разработкѣ понятій о собственности и самоуправленіи, вытекающихъ изъ самихъ условій народной жизни. Въ обоихъ случаяхъ дворянство заявляло необходимость безсословности, отрѣкалось отъ самаго себя, и заявивъ это самоотрѣченіе своими лучшими людьми—оставило касту догнивать, цѣпляясь вмѣстѣ съ правительствомъ, за какую-то постепенность смутныхъ и не полныхъ преобразованій. Служа правительству орудіемъ власти, чиновничествомъ, каста естественно вмѣстѣ съ правительствомъ чувствуетъ, что у нихъ земля изъ подъ ногъ уходитъ и невольно старается корыстную попытку самохраненія облагородить неопредѣленнымъ именемъ постепенности. Послѣднія происшествія на дворянскихъ собраніяхъ, закидывающихъ черными шарами всякую мало-мальски живую мысль, ясно доказываютъ, что дворянство покончило всякую инициативу въ жизни. Оно ее покончило и въ литературѣ, не говорю уже объ *отцахъ*, но большое число изъ его *дѣтей* (юношей, къ которымъ не обращается наше слово)—ударились въ чувство сохраненія помѣщичьихъ правъ, безсознательно-своекорыстно пошли по слѣдамъ подкупныхъ газетчиковъ, профессоровъ—вьющихъ гнилую паутинку своихъ высокомѣрно-крошечныхъ идеекъ, экс-профессоровъ — когда-то простодушныхъ, а потомъ озлобленныхъ, видя что здоровая

молодежь не можетъ сочувствовать ихъ золотушной мысли. Съ слабыми оттѣнками—эти *дѣти*, когда у нихъ не хватаетъ духу просто пристать къ литературѣ безсчестной, или къ доктринерскому изувѣрству выдаваемому за науку,—порождаютъ въ литературѣ направленіе, похожее на плесканіе въ мутной лужѣ, гдѣ ни до чего яснаго, ни до какого опредѣленнаго понятія не доберешься. Живая мысль отъ нихъ отлетѣла.

Тутъ вамъ людей искать нечего; довольно счесться своими въ томъ маломъ меньшинствѣ изъ нихъ, которое сохранило оба *завѣта*: отреченіе отъ дворянства и отреченіе отъ помѣщичества. Счетъ будетъ не труденъ.

Но между тѣмъ какъ отцы и дѣти касты (за исключеніемъ наглядnаго меньшинства) уходили въ смерть, возникала и росла другая молодежь, которой нечего отрекаться отъ дворянства и помѣщичества,—образованная молодежь *разночинцевъ*. Изъ духоты семинарій, изъ подъ гнета духовныхъ академій, изъ бездомнаго чиновничества, изъ удрученнаго мѣщанства—она вырвалась къ жизни и взяла инициативу въ литературѣ. Этой молодежью, Россія совершаетъ свое отреченіе отъ буржуазіи; скомканно, сжато, мгновенно переживаетъ и отрицаетъ всякую буржуазную сословность и опять таки приходитъ къ понятію дѣйствительной безсословности, къ безсословности не по имени, а по общественному отношенію къ собственности, къ безсословности не формально-юридической, но экономической. Отрекаясь, отнюдь не отъ науки, но отрицая дворянство и отрекаясь отъ буржуазіи,—она изъ города и помѣщичьей усадьбы уходитъ на село, примыкаетъ къ крестьянству, идетъ въ народъ. Она должна собрать себя въ общество; она должна умножить, вырастить это общество въ силу, пополняя свои ряды людьми изъ такъ называемаго низшаго слоя—солдатами, дворовыми, мужиками.

Вотъ гдѣ вамъ людей искать—надо.

Недавній приговоръ Сената, осудившій, по одному дѣлу пропаганды, двухъ медицинскихъ студентовъ вмѣстѣ съ тремя крестьянами—доказываетъ, что пора этого союза пришла.

Ваша дѣятельность очерчивается сама собою.

Выходя изъ потребности добыть, съ народомъ и для народа, землю и волю — вы необходимо должны поставить себѣ цѣлью созваніе земства для самоустройства; на вашемъ знамени долженъ быть написанъ Земскій Соборъ. Безъ опредѣленной цѣли нельзя ни ясно понимать, ни ясно проповѣдывать, ни собрать людей на одно дѣло.

Вашъ теоретическій, литературный трудъ долженъ сосредоточить свои силы въ одну цѣль, чтобъ не расплыться въ вопросахъ до того общихъ, что уходятъ въ безконечность. Вамъ предстоитъ разработка тѣхъ вопросовъ, которыхъ рѣшеніе подлежитъ земскому собору. Трудъ огромный, но опредѣленный. Свобода вѣры и проповѣди, свобода науки, свобода и повсемѣстность преподаванія; условія поземельнаго владѣнія въ Россіи, ихъ статистическій разборъ, повѣрка народнаго взгляда на землевладѣніе и отсюда вытекающія послѣдствія; значеніе селъ и ихъ внутреннее хозяйственное устройство; ихъ естественное управленіе; организація суда; отношеніе мѣстныхъ потребностей къ областнымъ и къ постановкѣ общей земской жизни; устройство областныхъ думъ и общаго собора; способъ выборовъ; способъ взиманія податей на областныя и общія нужды; сельскія банки и ихъ соединеніе въ общее кредитное учрежденіе и пр. и пр. Работы много, времени мало. Страстность настроенія разовьется быстро; спѣшите разработывать то, что̀ нужнѣе; спѣшите работать, чтобъ *пониманіе* не отставало позади отъ движенія, во стройно росло вмѣстѣ.

Вашъ практическій трудъ долженъ сосредоточить свои силы въ одну цѣль, чтобъ не расплыться въ безплодномъ броженіи, въ революціи ради революціи, чтобъ не перейти въ праздную революціонную фразу, которая такъ пустозвонно раздираетъ слухъ на ненужныхъ сборищахъ людей, которые не знаютъ откуда и куда идутъ. Поставивъ на своемъ знамени Земскій Соборъ, вы практически опредѣляете цѣль, на которую люди пойдутъ, потому что она имъ видна. Правительство едва, и то со страху, приближается къ точкѣ

зрѣнія Сперанскаго, которая не можетъ удовлетворить потребностямъ земства. Конституція можетъ быть дана, но Земскій Соборъ долженъ быть взятъ. Вы пойдете къ цѣли, не отдыхая ни у какого бархатнаго порога.

Ваша дѣятельность очерчивается сама собою: Ясное географическое распредѣленіе своихъ центровъ, совпадающее съ мѣстными условіями жизни; выборъ руководителей, какъ можно болѣе сознательный, при совершенномъ устраненіи всякой игры мелкихъ самолюбьецъ и завистей; устная и печатная проповѣдь о земскомъ соборѣ и вопросахъ, которые на немъ должны быть поставлены и рѣшены; проповѣдь обращенная къ неученымъ, но способнымъ здраво мыслить, а не споръ съ заучившимися до утраты здраваго смысла; проповѣдь, обращенная къ отрекающимся отъ помѣщичества и сословности и къ тѣмъ, которые по своему положенію ни къ тому, ни къ другому непричастны, а не праздный споръ съ тѣми, которые и въ томъ и въ другомъ закоренѣли; приращеніе общества людьми изъ народа. Когда ваше число и ваши требованія выростутъ въ войскѣ и крестьянствѣ, тогда, значитъ, настало время громогласнаго, дѣйствительнаго созыванія земства.

Но будьте страшно искренни съ самими съ собою и не представляйте себѣ своихъ силъ, въ какую бы то ни было минуту, сильнѣе, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ. Лучше лишній годъ употребить на приготовительную работу, чѣмъ обрушиться въ немощную попытку. Искренно счесться во время своими силами — требуетъ великаго самообузданія, самообладанія, дѣйствительнаго практическаго смысла и дѣйствительной преданности, не своему хотѣнью, а дѣлу. Помните, что приготовительная работа—это ростъ въ силу; рядомъ съ нимъ идетъ соотвѣтственное приниженіе врага до безсилія. Слѣдственно, на этой работѣ и этомъ ростѣ основано возможное устраненіе кровавыхъ дѣлъ и превращеніе возстанія въ стройную организацію снизу, въ самоустройство, изъ народа растущее.

Опредѣленная цѣль, самообладаніе, искренность съ самими собою, трудъ неутомимый и знающій что время дорого, вотъ что вы должны взять на себя, юноши—гонимые и оклеветанные, но чистые и преданные.....

Горькая мысль мелькнула у меня: ну! если кто-нибудь изъ васъ скажетъ—"по какому праву ты намъ даешь совѣты, ты, безопасно стоящій на томъ берегѣ? Мы и безъ тебя знаемъ что дѣлать".....

Нѣтъ! Это скажутъ развѣ тѣ, которые не съ вами, а противъ васъ. *Вы* этого не скажете.

Мой совѣтъ—мое убѣжденіе.

Я говорю съ вами по праву—

По праву искренней преданности общему дѣлу.

По праву глубокой любви къ вамъ.

По праву свѣтлой надежды на васъ.

По тому праву, по которому, при вѣсти объ убитомъ Потебнѣ, мое первое движеніе сказать *вамъ*, друзья юноши—дайте ваши руки! Да раздѣлите же вы мою скорбь, потому что у васъ и скорбь общая, и соединимтесь въ одно упованіе, на одну работу—и, когда придетъ время,—вмѣстѣ пойдемте черезъ всѣ опасности на торжество вольнаго, землевладѣющаго русскаго народа.

Н. Огаревъ.

У10311
Библиотека ИМЭЛ

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.